Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Щербаковы — одна из самых известных купеческих династий Западной Сибири второй половины 19 века. Начало этой династии положил Иван Ефимович Щербаков. Он происходил из государственных крестьян Бутаковской волости Тарского округа. Перебравшись в город, Иван Ефимович с начала 1835 года был причислен Тобольской казенной палатой в купцы 3 гильдии. Это было время активных и предприимчивых купцов Нияза Айтыкина, Евтифия Филимонова, постепенно сходивших вслед за Нерпиными со сцены. На смену старым купеческим династиям шли более молодые, мечтавшие о славе и богатстве, выходцы из самых низов. Яков и Николай Немчиновы, Иван Нерпин и Иван Носков, Иван Грабинский, Тимофей Ефтин —тарские мещане поднялись с разными успехами до уровня гильдейского купечества. Из крестьян вышли Петр Зубов, Николай Скуратов, Флегонт Казаринов, Александр Пановский, Козьма Захаров...

В 1835 году Иван Ефимович Щербаков обратился в департамент геральдий Правительствующего Сената с прошением о присвоении ему звания потомственного почетного гражданина, где указывал, что с 1842 по 1848 год он 6 лет состоял во 2 гильдии и уже 7 лет является купцом 1 гильдии. «В семействе моем», — писал Иван Ефимович, — «которое состояло и состоит со мной совокупно в одном капитале, находятся: жена моя Наталья Федоровна и законные дети, сыновья: Алексей, Федор и вновь родившийся 5 февраля 1855 г. Евгений». (1).

В 50-е годы Иван Ефимович овдовел и заключил обоюдно - выгодный брак с дочерью в то время купеческой вдовы Татьяны Андреевны Пятковой Натальей Федоровной. Наталья Федоровна, Михаил Федорович и Андрей Федорович были детьми известного тарского купца Федора Ивановича Пяткова, выходца из старинного купеческого рода Пятковых. Старшие сыновья от первого брака, рожденные от другой жены, Надежды Алексеевны, Алексей и Федор, к тому времени стали совершеннолетними. Иван Ефимович, будучи человеком основательным, хотел чтобы сыновья стали грамотными, деловыми людьми, а потому послал сына Алексея учиться в Санкт -Петербургский университет. Время учебы Алексея совпало с мощным подъемом студенческого движения, направленного против крепостнических порядков. Вместе с Евгением Михаэлисом Алексей Щербаков активно участвовал в распространении прокламаций «Земли и Воли». Оба они были исключены из университета и заключены в Петрапавловскую крепость одновременно с Потаниным. Позже, будучи высланным в Тобольскую губернию, они продолжали «бунтарский» образ жизни и привлекли к распространению прокламаций и другой запрещенной печати тарских купцов Ивана Медведчикова и Ивана Михайлова. (2).

В 1867 году чиновнику Кремлеву было поручено расследовать конфликт между А. И. Щербаковым и Тарским городничим. 27 апреля он докладывал начальству о том, что в феврале этого года группа близких Щербакову людей, в том числе дворянин Е. Михаэлис, столоначальник Тарского земского суда Унжинцов и начальник Тарской конвойной команды Левантуев, устроили демонстративные поездки по городу в повозке, запряженной четверкой лошадей и в сопровождении верховых. Участники поездки имели на лице штемпельные знаки, употреблявшиеся прежде для осужденных на каторжные работы, синие знаки под глазами намекали на частные кулачные расправы, устраиваемые тарским городничим, а верховые пародировали казаков городничего, сопровождавших в последний день масленицы повозку его жены с подругами. Маскарадная шутка закончилась серьезным скандалом. Люди Щербакова были арестованы. Еврей Дубровин, ранее работавший на винозаводе Щербакова и уволенный за порчу перегонного аппарата, донес городничему о том, что поляк Козловский утверждал, что «если городничий попался 26 февраля Щербакову на улице то его и всю полицию разбили бы». Коллежский регистратор Астафьев, пользующийся дурной репутацией пьяницы, склонный ко всякого рода кляузам, готов был подтвердить это высказывание, но Козловский от своих слов отказался. Сам же Алексей Щербаков после ареста своих людей явился в полицию и потребовал их освобождения. Городничий, взяв за грудки Щербакова, заявил, что арестует и его. На что получил ответ: «А я Вам дам в морду». Городничий разгорячившись пошел на обострение конфликта: «У меня рожа широкая — не промахнитесь!» (3).

С годами основная энергия Алексея все больше стала направляться в предпринимательское русло. От отца своего, Ивана Ефимовича, получил он винный завод, салотопню, свечный заводик, кожевню. Винзавод, построенный в 1866 году, был расширен, к нему пристроен водочный завод. В 1886 году, наладив кирпичное производство на месте бывшего стекольного завода Ефима Малахова, Щербаков стал строить по ул. Никольской и Солдатскому переулку складские помещения (ныне цеха мебельной фабрики). На берегу Иртыша, рядом с винозаводом (ныне территория РАЙПО) появилась лесопилка и причал для судов. Дело отца не заглохло, а получило развитие. В 1896 — 1897 гг. на заводе коллежского асессора А. И. Щербакова было выкурено 2945611,7 л вина, а во второй половине 1898 года больше, чем во второй половине 1897 г.(4). На заводе был смонтирован новый брагоперегонный аппарат непрерывного действия, изготовленный на заводе Альберта Гербста в Москве, установлено два паровых котла. Один из них, выпущенный заводом Курбатова и Игнатова в 1890 году, был переделан в Таре в 1891 году. Мощность его была доведена до 12 лошадиных сил. Второй котел, бельгийского производства «Кокервиль и К.» в 1891 г. был отремонтирован польскими мастерами прямо на заводе и стал служить вспомогательным для первого, имея номинальную силу 6 лошадиных сил. В Тарском уезде был построен еще один склад завода в с. Такмыкском. Вино, главным образом, поставлялось в Логиновскую и Корсинскую волости. Потребление вина в среднем на душу населения в этих волостях приходилось в Логиновской — 0,49 ведра в год в Такмыкской — 0,52, в Корсинской — 0,35 ведра. (5).

(Продолжение следует).

Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(Продолж. Нач. в № 95).

Деятельность винозаводчиков Тобольской губернии Миляева, Давыдовского, Щербакова и других подвергалась серьезной критике со стороны интеллигенции. В частности, за принятие так называемых «ноябрьских соглашений» По этим соглашениям принимаемым съездами винопромышленников устанавливались договорные цены на продукцию из заводов. В 1887 году была поднята цена на неочищенную водку на 45 процентов, а столовое вино («белоголовочка» — очищенная водка) стала стоить 45 — 50 копеек за бутылку вместо 30 копеек. (6). «Бедность и экономическое устройство часто загоняют людей в кабак и служат к процветанию питейной торговли», — писала газета «Тюменское обозрение». Из Тары корреспонденты названной газеты сообщали: «Наш главный кабатчик А. Щербаков отнял торговлю у своих конкурентов и теперь орудует один на всей своей воле» Бедные добродушные и умиленные лица обывателей на ярмарке эти корреспонденты никак не могли поверить, что имеют дело с потомками «тех» земель их предков города, которые, по местному преданию, были полголовою за свою строптивость наказаны быть кнутом и посажены на кол за что потомки достались на за «колонией.» (7).

Деятельность А. И. Щербакова, наделенного прогрессивными взглядами, предпринимчивого, активного, не могла, естественно, ограничиваться только спаиванием населения». (8). Звание купца первой гильдии он получил в Семипалатинске. В киргизской степи, недалеко от Павлодара он овладел несколькими соляными участками на Большетаволжанских озерах и собственным небольшим флотом стал завозить в сибирские города соль.

Но наибольшее значение имели два других начинания нашего земляка, о которых в Таре долгое время либо не было известно, либо просто не принято было говорить. Переехав в 80-е годы 19 века в Тюмень, Алексей Иванович Щербаков приложил значительные усилия для создания [illegible] промышленного [illegible]ства. 15 августа 1886 года в Петергофе государь рассмотрел и утвердил создание товарищества. «Сибирская торговая газета» сообщала: «Государь Император по положению комитета министров, Высочайше повелел созво[illegible]ть: разрешить тарскому 1-й гильдии купцу Алексею Ивановичу Щербакову, курганскому 1-й гильдии купцу Дмитрию Ивановичу Смолину, тарскому 2-й гильдии купцу Рахматулле Ниязовичу Аблякину, петропавловскому 1-й гильдии купцу Семену Яковлевичу Молин[illegible] курганскому 1-й гильдии купеческому Петру Дмитриевичу Смолину учредить товарищество на паях, под наименованием: «Сибирское фабрично-торговое товарищество Алексея Щербакова и К°». (9). Создание товарищества преследовало несколько целей. Одна из этих целей состояла в приобретении, переоборудовании и активной эксплуатации бывшего Успенского винокуренного завода, где несколько лет назад была упразднена каторга и около 2,5 тысяч рабочих не находили работы на месте, в селе Заводо-Успенском, Червишевской волости Тюменского уезда. Рабочие разбегались по соседним селам, превращались в грабителей на дорогах, оседавшие на прежнем месте пытались заняться ремеслом, но не получали от этого занятия [illegible] средств прежде всего из-за сложностей сбыта. (10). 31 января 1884 года были разрешены торги казенного Успенского завода. 2 — 6 июля 1886 года в Управлении 2-го акцизного округа Западной Сибири в г. Тюмени целый ряд сибирских купцов вели торг за этот завод. Первый тур не выявил победителя, несколько человек «о[illegible]перержки отказались», как Иван Павлович [illegible] тюменский купец. На [illegible]ных торгах коллежский советник, Николай Иванович Давыдов и [illegible] Петрович [illegible] завода в Тарском [illegible] (под Муромцево), предложил 3200 рублей, доверенный Ирбитского купца Г. Караваев 9650 рублей. Сургутский 2-й гильдии купец Александр Бегаев предложил 10.000 рублей, жена Мариинского 2-й гильдии купца Ушкова Ольга Алексеевна только на 5 рублей увеличила окончательную сумму тюменца Игнатия Васильевича Пяткова, назвавшего 14.500 рублей. Завод остался за временно-семипалатинским купцом, потомственным почетным гражданином Алексеем Ивановичем Щербаковым, предложившим сумму в 15.000 рублей». (11).

Доверенные учредителей товарищества коллежский ассесор Клементий Александрович Коргеллович и надворный советник Вандалин Викентьевич Фальский в одной из своих записок сообщали о том, что купленный завод состоял из двух деревянных корпусов «со всем причадлежавшим к нему имуществом и приезанной к заводу земле», деревянной мукомольной мельницей, хлебными амбарами и деревянными домами. После утверждения сибирского фабрично — торгового товарищества А. Щербаков продал уже принадлежавший ему Успенский винокуренный завод учредителям этого товарищества, и в начале осени 1886 года началась реконструкция этого завода. 9 сентября в селе Успенском, в 53 верстах от Тюмени, сибиряки праздновали закладку фабрики, которая должна была обеспечивать бумагой сибирских потребителей.

(Продолжение следует).

Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(Прод. Нач. в №№ 95, 96).

Товарищество с основным капиталом в 300000 рублей поставило задачу реконструировать завод в течение двух лет (12). А. Щербаков параллельно со строительством основных каменных корпусов фабрики вел работу по приобретению необходимого для нее оборудования. Главным приобретением стала бумагоделательная машина английской фирмы «Паркс», которая была куплена «совершенно случайно» у князя Гагарина в Ярославской губернии. И при покупке в Англии эта машина обошлась в сумму в 200,000 рублей. В периодической печати сообщалось о том, что машина будет выделывать все сорта бумаги «не исключая высших сортов и почтовой». Серьезной проблемой стало доставить машину весом в 8 тысяч пудов (а со всеми механизмами около 30 тысяч пудов) в с. Заводо-Успенское. Из Ярославля бумагоделательная машина на двух баржах была переправлена по Волге и Каме в Пермь и первым санным путем была транспортирована на фабрику (13). Первый миллион кирпичей пошел на строительство главного корпуса в 43 сажени длиной и трех отделений. В первое отделение и была помещена бумагоделательная машина, второе заняли паровые двигатели, а третье — паровые котлы. Двигатель в 150 лошадиных сил и 50 сильная турбина должны были привести в действие эту огромную машину. (14).

Несколько лет после «открытия» этой фабрики [illegible] себя и планировал побывать в селе Заводо — Успенском, но только в мае нынешнего года удалось это сделать. Готовясь к поездке из Тюмени в Ирбит, место некогда знаменитой сибирской ярмарки, я имел в запасе полдня, которые и решил использовать на поездку в места обетованные в конце прошлого столетия Щербаковым. Несмотря на то, что от современной Тюмени до села Заводо — Успенское чуть больше тридцати километров из-за разлива речушек, перекрывших основные дороги, связывающие фабрику с «миром», большая часть спланированного времени была занята на дорогу, а выбираться из села пришлось вообще проселочной дорогой, которая проходила через сосновый бор на расстоянии более двадцати километров.

Этот путь по песчаной лесной дороге мне помог преодолеть на своем «Урале» прекрасный парень, уроженец здешних мест, механик железнодорожных мастерских Тюменской дороги Владимир Александрович Степанов. Проехав территорию Тугулымского района Свердловской области, мы оказались в Курганской области на дороге к Тюмени. Дожидаясь вместе с большой группой местных жителей автобуса «на город», я неспешно вел с ними разговоры о современных проблемах фабрики. Всю дорогу до Тюмени, а потом до Ирбита переваривал впечатления этого дня.

Само село сложилось вокруг винного завода, где в основном использовался, как и на нашем Екатеринин ском заводе, труд каторжных рабочих. После закрытия завода рабочие разбрелись по [illegible] в поисках заработков. Открытие бумажной фабрики было спасением для их семей и для села. Фабрика вдохнула в него вторую жизнь. Стоя на берегу огромного пруда, я любовался панорамой современной фабрики, сохранившей многие черты фабрики времен Щербакова и Ятеса. Пруд в 700 десятин водного пространства был огорожен плотиной. На берегу пруда жители смолили долбленки, разогревая на кострах битум, здесь же ребятишки освежовывали первый улов. Панорама с противоположного от фабрики берега была впечатляющей. Я спешил заснять один объект за другим на пленку. Сам пруд и плотину, главный корпус, огромную шестигранную трубу, казавшуюся произведением искусства, бывший дом, где жили владельцы завода, контору, выстроенную Щербаковым церковь...

Еще до открытия фабрики в 1888 году владельцем было закуплено 10 тыс. пудов тряпья. Первое время планировалось изготавливать бумагу, собирая в ближайших уездах и сортируя вторичное сырье. Подсчеты показывали, что если пуд тряпья в Москве стоит 1 рубль с копейками, а доставка пуда тряпья из Томска в центр России при перевозе дешевым, летним путем обходится дороже рубля, то при производстве из него в Сибири бумаги «последняя может быть вывозима и далее Сибирских окраин». Главный строитель и заведующий фабрикой инженер— механик А. И. Большаков считал, что в перспективе для выделки бумаги можно будет использовать «бумажные суррогаты из дерева и соломы». На первых порах фабрика могла обеспечить работой около 200 человек. Женщины и дети должны были привлекаться для сортировки тряпья. Для обеспечения фабрики механизмами администрация установила связи с Жабынским механическим заводом в Тюмени, где бы можно было исправлять и дополнять необходимые части машины». (17).

Фабрика строилась в «глухом медвежьем углу», что, казалось, о проблеме с лесом не может быть и речи». (18). Но на практике строительство было стеснено новыми условиями пользования лесными дачами, составленными Омской палатой госимуществ и утвержденными Тобольским губернским Советом 25 июня 1886 года. По прежней таксе бревна сосновые длиной в 4 сажени и 8 вершков в срубе продавались по 1 разряду по 46 коп., по 2 разряду по 35 коп. По новой таксе цены, соответственно, составляли уже 71 и 57 коп. Таким же образом менялись цены и на дрова (19). Администрация на всем готова была погреть руки. Успенская лесная дача со старым сосновым лесом, где во многих местах из-за валежника и бурелома не было ни прохода, ни проезда, была отнесена к 1 разряду. По правилам к 1 разряду относились места вырубки отстоящие от сплавных рек на 10—25 верст и на 25—35 верст от города. Успенская фабрика находилась в 53 верстах от Тюмени. Учредители понимали, что нельзя «из-за двух десятков бревен... остановить работы сотен человек» и вынуждены были «дрова возить в лес» покупая бревна в Тюмени. «Комичнее всего то, что в Тюмени почти весь лес из той же Успенской дачи, которая снабжает горючим и стройматериалом 3 округа — Шадринский, Ялуторовский и Курганский» —так писали о сложившейся на строительстве фабрики ситуации газета «Восточное обозрение», выходившая в Иркутске.

(Продолжение следует).

Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(Прод. Нач. в №№ 95—97).

вам наши захолустные порядки и та специальная канцелярская волокита, которая процветает здесь в полной силе» Для населения же поселка, где в 80-е годы насчитывалось свыше 700 домов, фабрика должна была стать «трудовым подспорьем» и занять «массу теперь свободных рук». До окончания постройки фабрики требовалось около 1500 бревен, а для работы ее в дальнейшем до 2000 куб. сажень дров ежегодно».

Тем временем в Москве и других городах Европейской России с вниманием присматривались к новым начинаниям сибирских предпринимателей. В столице широко обсуждались проблемы и перспективы Томской суконной фабрики, Минусинского сахарного завода и, конечно, такое предприятие, как писчебумажная фабрика, в то время единственная на всю Сибирь, не могло быть обойдено вниманием.

Все понимали, что сибирская промышленность «только [illegible] развязные предприимчивые [illegible] могли изменить в целом достаточно унылого фона. Но они, как утверждал корреспондент «Ирбитского ярмарочного листка» Н. Чукмалдин, «доказывают, что сибирякам присуща энергия и предприимчивость, что сибиряки готовы приняться за любое промышленное предприятие» (21). Главным препятствием на пути промышленного освоения Сибири они видели недостаток технического образования, технической практики, «а потом идут длинной вереницей громадные расстояния, чрез которые нужно провозить фабричные механизмы; отсутствие хороших механических заводов; дороговизна капиталов...» (22). Большинство сибирских предпринимателей все же не шли дальше купли — продажи привозных товаров. Упреки в косности и ленности, которые иногда можно было слышать в их адрес, не всегда можно было считать *справедливыми*. Сибиряк — торговец и сибиряк — промышленник «поставлен силою обстоятельств делать только то, что возможно в пределах местных условий» В центре России паи или акции «задуманного с толком» предприятия выше и владельцы их, кроме дивиденда, «получают премии от повышения цен на акции, сами не ударив палец о палец» В Сибири иные условия в Сибири намного труднее. В качестве примера центральная пресса неоднократно называла писчебумажное предприятие А. Щербакова «которое бумагу выделывает хорошую, а дивиденды выдает незначительные» (23)

Для постановки дела «на широкую ногу» Щербаков и Смолины готовят собственных технических специалистов, организаторов производства и обучают секретам писчебумажного производства бывших рабочих Успенского винзавода. В 1885 году на фабрику Варгунина в Санкт-Петербурге прибыла группа представителей товарищества для знакомства с ее работой, изучения опыта одного из передовых предприятий писчебумажной отрасли.

Участники этой поездки понимали, что Сибирь более всего нуждается в оберточной бумаге, которую привозят чуть ли не из Финляндии. По их подсчетам для того, чтобы начать ее производство в Сибири, необходимо около 4 тысяч рублей. Они же пришли к выводу о том, что «конструкция бумаго-делательной машины не представляет затруднений», как и приобретение паровых двигателей и прочих механизмов для обеспечения производственного процесса на достаточно высоком техническом уровне.

Практика показала, что товариществу Щербакова оказалось под силу не только производство оберточной бумаги, но и большого количества высококачественных сортов бумаги

Первые партии бумаги были поставлены на Ирбитскую ярмарку В 1892 году торговля бумагой на ярмарке несколько подзатянулась. «Ирбитский ярмарочный листок» сообщал, что в прежние года к 7 февраля дела с крупными покупателями уже заканчивались. Несмотря на несколько вялую торговлю дела фабрики Щербакова шли успешнее других продавцов писчебумажного товара. Фабрика нашего земляка успешно конкурировала с предприятиями Первушина, Сумкина, Пластунова и Ятеса. Достаточно взглянуть на разнообразный ассортимент представленной на ярмарке бумаги. Фабрика Щербакова привезла несколько видов писчей бумаги (№ № 1, 3, 6— матовая, 6— глянцевая, 7), раскурочную № 8, двойного формата № 7, 8, 9, почтовую гладкую № 2, филигранную № 2, гладкую № 1, филигранную № 1, № 120 гладкую, № 120 филигрань № 130 Верже, различные виды цветной бумаги: бутылочной, чайной, оберточной, картузной.. (24).

Альбомная, конвертная товарная и другие виды цветной бумаги изготавливались по особым заказам и расценивались в зависимости от чистоты (качества) и веса изделия. По особому заказу изготавливались белая мундштучная, картузная, книжная и газетная бумага В одном из многочисленных объявлений для покупателей фабрика сообщала о том, что «на случай заказов по особому формату фабрика всегда имеет в запасе на валиках газетную бумагу № 6 и 7 плотностью 9-фунтовой писчей». Цены в течение более пяти лет держались на одном уровне: белая бумага № 7 продавалась по 13 коп за фунт (400 граммов), № 6 по 15 коп., № 5 —18 коп №№ 1—3 от 22 до 25 коп за фунт (25) Причем для оптовых покупателей [illegible] скидка. Торговлей занимался обычно Дмитрий Иванович Смолин. Лавка товарищества Щербакова в Ирбите размещалась обычно рядом с лавкой Крестовникова, напротив казначейства Поставляя бумагу для «Ирбитского ярмарочного листка», фабрика имела возможность помещать объявления и другую коммерчески выгодную информацию почти в каждом номере.

6 февраля 1899 года правление товарищества «А. Щербаков и К°» сообщало покупателям что на фабрике «вырабатана для продажи... партия почтовой, писчей, газетной, альбомной, оберточной и прочих сортов бумаги, качество которой, благодаря приглашению товариществом на фабрику опытного писчебумажного мастера и введению новых усовершенствований, еще значительно улучшено, в чем правление товарищества покорнейше просит господ покупателей убедиться лично» (26).

Улучшение всех сортов бумаги на фабрике стало возможным благодаря возвращению директора ее Виктора Алексеевича Щербакова, сына Алексея Ивановича, основателя фабрично-торгового товарищества. Виктор Алексеевич продолжительное время изучал в Бельгии, Германии и Англии «постановку дела писче-бумажны[illegible] (27).

(Продолжение [illegible]).

Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(Продолжение. Начало в №№ 95—98).

В 1894 году производительность фабрики достигла 6 тыс пудов на 300000 рублей, считая стоимость бумаги в среднем по 5 руб. за пуд (28). Директор фабрики В. А. Щербаков один за другим вводил все новые усовершенствования. Часть простаивающего оборудования была продана «за ненадобностью», в частности, 15-сильная паровая машина и три центрифуги, пригодные для крахмального и паточного производства. Правление товарищества ранее переведенное из с. Заводоуспенского в Курган, переехало в Тюмень, а в целом ряде городов стали открываться писчебумажные склады фабрики, и продукция стала отпускаться потребителям прямо с этих складов, что делало ее более доступной, ведь для приобретения бумаги уже не нужно было ездить на ярмарки. Агент фабрики в Томске Николаев дал покупателям объявление, из которого следовало, что «изготавливаемая фабрикой исключительно из одного тряпья всевозможных сортов бумага, отличаясь превосходными качествами и дешевизною, не только не уступает в достоинстве бумагам других Российских фабрик, но во многом преимуществует... «Имея в своем распоряжении громадный запас всех изготавливаемых фабрикою сортов бумаги, льщю себя надеждою, что гг. торговцы, а также правительственные и частные учреждения, как городские, так и иногородные, не откажут почтить меня своим благосклонным вниманием». Вот так почтительно и с достоинством оптовым покупателям предлагалось сделать покупки или оформить заказы на все сорта бумаги. Постоянные склады существовали при фабрике в с. Заводо-Успенском Тюменского округа в 35 верстах от станции Кармак Уральской железной дороги, в Томске, Тюмени, Екатеринбурге, а позднее в Иркутске. Дела на складах шли довольно хорошо. Так Томский склад в течение только ноября 1894 года отпустил бумаги на 28000 рублей (29).

На самой фабрике после нововведений Виктора Щербакова увеличилась производительность труда. Объем производства вырос до 7510 пудов на 359314 руб. На фабрике работало 356 человек. Для перевозки грузов фабрика использовала не только железнодорожный транспорт, но и приписанные к фабрике суда А. И. Щербакова: буксирно - пассажирский 35-сильный пароход «Тарянин» и три «гусянки» (31).

Надо сказать, что сибирский бумажный рынок постепенно покидали европейские производители. Так из-под влияния вятских фабрикантов постепенно ушел Ирбитский рынок. В 1895 году на этой крупнейшей в Сибири и второй по оборотам ярмарке России с бумагой прибыло лишь 3 фирмы: товарищество А. Щербакова, фабрики Ятеса и Платунова. Первушин и Сумкин «нашли невыгодным ездить в Ирбит».

Успенская фабрика Щербакова с каждым годом приобретала «все больший и больший район распространения». Большим спросом пользовалась также продукция фабрики И. Е. Ятес. Известно, что эта фабрика была основана в 1870 году близ Екатеринбурга в Пермской губернии и выделывала все сорта писчей, книжной, газетной, оберточной и других бумаг. Годовая производительность фабрики (при 300 рабочих) некоторое время уступала Успенской фабрике, но с открытием еще одной фабрики близ с. Курьи ситуация на сибирском бумажном рынке стала постепенно меняться в пользу уральского предпринимателя. Большое преимущество Щербаковской фабрики, связанное с близостью от Ирбита и возможностью поставки туда особо спрашиваемого товара, постепенно уходило на 2-й план. Осознавая это, правление товарищества в лице А. И. Щербакова, А. Д. Смолина и М. А. Новикова искало выход из складывающейся ситуации. Одно из крупнейших в Тобольской губернии предприятий в конечном итоге не выдержало конкуренции и было продано в 1902 году Ятесу, монополизировавшему таким образом сибирский бумажный рынок. Поскольку деятельность Щербаковых долгое время была в поле зрения ученых краеведов, сегодня трудно говорить о том, что же все-таки заставило их продать свое детище.

(Продолжение следует).

Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(Продолжение. Начало в № № 95—99).

Побывать в фабричном музее мне так и не удалось. В 1993 году Успенская фабрика была выставлена на торги, так как рабочие отказались ее приватизировать. В мае 1993 года ее приобрел в частное владение тюменский предприниматель из бывших комсомольских работников Сергей Владимирович Кохан и назначил директором Виктора Степановича Орлова. С момента продажи фабрика почти не работала, так как не было средств на приобретение сырья (целлюлозы) и топлива для угольной ТЭС, а с наступлением холодов произошел пожар в котельной. Она вышла из строя, оставив и фабрику, и весь поселок без отопления, а бумажное производство без горячей воды. Производство было остановлено. Поселок, в котором было свыше 6 тыс. жителей, остался без молодежи. Более двух тысяч человек искали применения своим силам за его пределами. В таких условиях трудно было не только содержать музей... Тем не менее удалось выяснить через создателей этого музея бывшего директора школы Петра Дмитриевича Проскурнина и заведующую музеем Теную Николаевну Кряжеву, что начальный период фабрики в музее не представлен никак. Есть в нем только небольшая экспозиция, где упоминаются имена А. Щербакова и И. Ятеса. «Давно бы уехал, да куда денешься от этой красоты», —говорил мне, стоя на берегу огромного пруда, Петр Дмитриевич. — Труднее всего тем, у кого вся жизнь была связана с фабрикой, а это десятки семей...» Следует отметить, что экономическими связями в единую цепочку были увязаны целый ряд населенных пунктов вокруг фабрики: деревни Цепошникова, Бочкари, Ивановка, Калачики... Еще в 1988 году, отмечая столетие фабрики, представители старых рабочих династий Солдатовых, Медведевых, Насоновых, Разумовых, Лузгиных, Маркиных и других с гордостью говорили о большом вкладе молодежи поселка в строительство теплостанции, узкоколейной железной дороги, освоении на фабрике выпуска конденсаторной бумаги, столь необходимой в радиопромышленности, автотракторостроении, авиационной и электропромышленности, о наличии 50 потребителей продукции фабрики в разных частях страны. А в мае 1994 года, сидя в уютной квартире Петра Дмитриевича Проскурнина, выстроенной, кстати, той же фабрикой, мы размышляли над словами Н. М. Ядринцева, сказанными когда-то в адрес учредителей фабрично-торгового товарищества Алексея Щербакова. Их призывали стать «наиболее гуманными сибирскими фабрикантами», позаботиться об устройстве строгого медицинского надзора бесплатно, «как он устроен на Жабынском заводе или на винокуренном заводе т. Давыдовского в Тарском округе», открыть на фабрике сберегательную кассу, потребительское товарищество, «как у г. Струве при Коломенском машино-делательном заводе», «открыть училище со специальным ремесленным классом» и т. д. (32). Заводо-Успенское я покидал с тяжелым чувством...

В конце мая П. Д. Проскурнин писал мне в Тару: «По вашей просьбе я встретился с директором фабрики Орловым Виктором Степановичем.

(Продолжение следует).

Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

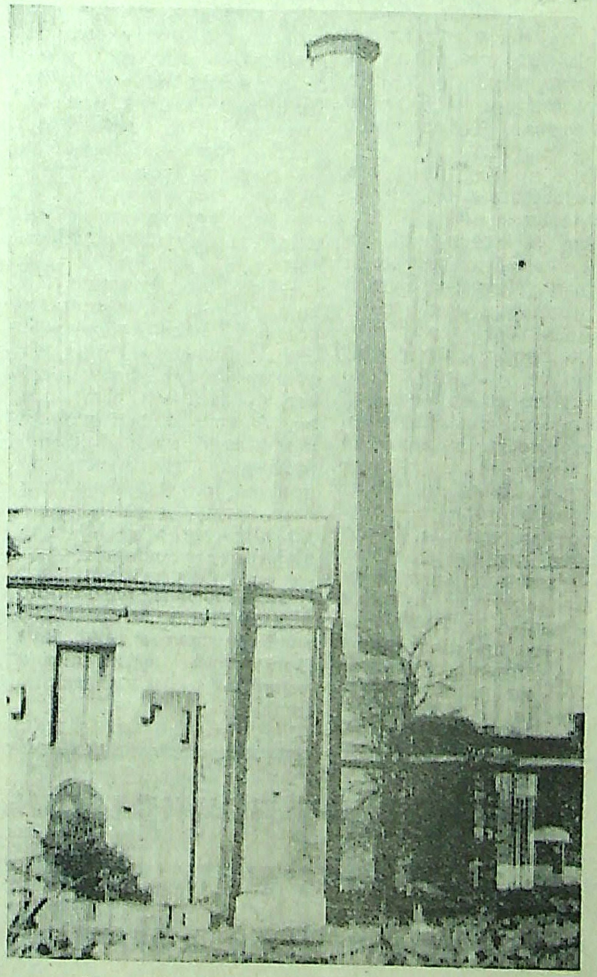
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(Продолжение. Начало в №№ 95—100).

Сейчас в старой котельной (ТЭС) смонтирован новый котел на жидком топливе и ремонтируется старый как резервный... В перспективе будет построена новая котельная на газе для этого закончат строительство газопровода Тюмень — Заводоуспенское Будет проведена реконструкция старой фабрики Старые машины будут оставлены для выработки тонкой бумаги (8—10 микрон); будут добавлены новые машины, способные выпускать более толстую бумагу при большей скорости, современные высокопроизводительные; будет поставлено типографское оборудование для печатания этикеток, оберток и других печатных материалов. В связи с этим будут увеличены площади самой фабрики. Сейчас та часть рабочих которая не занята на работе получает минимальную зарплату, а которые заняты на различных работах, получают в пределах 40—45 тыс. рублей, хозяева стараются сохранить в основном квалифицированную часть рабочих... Я, да и весь поселок были бы рады если бы все, что задумано, было бы реализовано в ближайшие годы. От успешной работы фабрики зависит и судьба поселка: жить ему или не жить».

Просматривая накопленные за последние годы краеведческие материалы, осмысливая впечатления своих поездок по Сибири, представляю и оцениваю деятельность наших тарских предпринимателей, живших сто лет назад, совершенно в ином свете Передвигались они не современным транспортом преодолевали нешуточное сопротивление всесильной бюрократии с ее регламентами, корыстью но не ожидая циркуляров сверху работали на себя и будущее своих детей, понимая— будь сам предприимчив, умей хорошо работать и выгодно торговать и жизнь, в некогда глухих уголках, изменится к лучшему, задымят фабрики, появятся новые рабочие места, а у людей будет больше новых товаров.

(Продолжение следует).

Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(Продолжение. Начало в № № 85—101).

Довелось однажды разговаривать с Натальей Георгиевной Линчевской из Омского госархива прямо у Щербаковских домов, которые выстроил когда-то Иван Ефимович Щербаков. Дома эти расположены на бывшей Александровской, а ныне улице Свердлова, хорошо известны тарчанам как бывшая школа № 9, потом вечерняя школа, сегодня они входят в культурный комплекс городского сада. Наталья Георгиевна говорила о том, что Щербаковы имели одну примечательную особенность: они не давали денег на развлечения и попойки, хоть и могли выкатывать вино бочками, они поддерживали учебные заведения, с их легкой руки появилась в 1882 году в Таре первая публичная библиотека. В связи с этим вспомнил я одну публикацию, напечатанную в газете «Старый край» ровно сто лет назад, весной 1891 года. Писал ее А. Г. Демин, бывший секретарь педсовета тарского женского училища. Вспоминая подробности, связанные с приездом в Тару самого богатого нашего земляка, а по некоторым данным, самого богатого в Сибири человека, Я. А. Немчинова, Демин припоминал, что к Немчинову наведался и И. Е. Щербаков, бывший председатель попечительского совета училища. И. Е. Щербаков сказал мне: «Не поговорите, Александр Григорьевич, съездите на моей лошади к Немчинову за подпиской, вероятно, он что-нибудь пожертвует». Речь шла о подписке, проводимой в Таре в пользу женского училища перед праздником Святой Пасхи. Немчинов не отказал. Сам же Иван Ефимович Щербаков, выстроив двухэтажный на каменном фундаменте дом в 1859 году, преложил его уезду нему училищу. Издержки по переделке дома взял на себя.

Жертвовал Иван Ефимович в пользу призванных на службу в Крымскую войну 1000 рублей, за что получил «высочайшую благодарность» генерал-губернаторе Западной Сибири Густава Христофоровича Гасфордта. В октябре 1855 года его возвели в потомственные почетные граждане, а еще через год ему вручили золотую медаль на Владимирской ленте за «неслужебные отличия» с надписью «За усердие». Эти моменты из жизни Ивана Ефимовича Щербакова нашли отражение в очерке Ч. Г. Линчевской «Будни и праздники старого города в русле Александровских реформ», который вошел в сборник очерков и документов «Тарская мозаика». Два больших начинания его сына, Алексея Ивановича, не нашли освещения в «Тарской мозаике». О писчебумажной фабрике у читателей, я думаю, сложились некоторые представления, а вот об участии А. И. Щербакова в открытии северного торгового пути из Сибири в Европу еще предстоит узнать. Дело это выходило за рамки сибирских масштабов, имело даже не только большое значение для экономического развития России, но и большое международное значение.

Известно, какой серьезный интерес проявляли к Сибири капиталисты многих европейских стран, видя в ней мощный рынок дешевого сырья, а также выгодный рынок сбыта готовой продукции и перспективную сферу приложения своих капиталов. Понимали этот интерес и сибирские предприниматели, видевшие в сотрудничестве с европейскими странами свою выгоду. Тара дала Сибири очень самобытного и талантливого теоретика внешней торговли Ивана Андреевича Носкова, умелого коммерсанта Александра Ивановича Нерпина дело которого продолжил его сын Иван Александрович, известный своим участием в совместных российско-китайских предприятиях. Деятельными и очень успешными во внешнеторговых и промышленных делах были наши земляки Немчиновы, Пятковы Айтыкины. Но все они направляли свои взоры в основном на Восток, на Монголию, Восточный и Западный Китай, и только сын тарчанина Михаила Федоровича Немчинова заключил в 1913 году договор с английской компанией «Миллер и К» о разработке золотоносных участков в Витимском горном округе, по своим золотопромышленным делам бывал в Лондоне и Гамбурге а в годы гражданской войны с ним пытались вести переговоры американцы по поводу промышленного освоения северных провинций Китая и Монголии.

Иван Ефимович Щербаков был одним из сибирских купцов, участвующих в торговых операциях с китайцами в Чугучаке и Кульдже. Он активно защищал интересы сибиряков, конкурировавших с ташкентцами и бухарцами на китайском рынке. Вместе с кяхтинскими, иркутскими, семипалатинскими и другими купцами он подписал прошение к государю, известное как «семипалатинское соглашение», направленное на упорядочение меновой торговли в Западном Китае (33).

(Продолжение следует).

Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(Продолжение. Начало в № № 95 — 102).

Взоры Алексея Ивановича Щербакова были направлены на Европу. Нашего тарчанина Щербакова можно поставить в один ряд с теми, кто приложил огромные усилия и собственные средства для открытия северного морского пути: Норденшильда, Виггинса, Вильницкого, Нансена, Лейборна-Поппа, Сибирякова, Макарова, Трапезникова и других.

Сибиряки шли на контакты с иностранцами, заслуживая серьезные упреки москвичей. Российские купцы хотели понять тюменских, иркутских и предпринимателей из других сибирских городов, «рвущихся в Европу». «Сибирская торговая газета» поместила десятки статей и заметок об активных действиях сибиряков. К. Носилов утверждал, что сибирские коммерсанты — другой народ, чем москвичи, «... у них шире взгляды, они не сидят в своих конторах, они деятельнее, больше наживают... им пора заявить о самостоятельности...» (34).

Когда сибирские купцы самостоятельно вышли на Англию, этот шаг вызвал самые различные оценки их деятельности. «Предприимчивость сибиряков, без сомнения, жедательна и даже необходима», — считали экономисты. Но эти действия вызвали отпор со стороны европейских купцов, которые хотели, чтобы товарообмен Сибири развивался «далеко не с одной только Англией». (35) В России резкую критику вызвало требование сибирского купечества дать им возможность беспошлинного ввоза иностранных товаров морским путем. «Таких предприимчивых купцов, которые не прочь нажить рубль на копейку, благодаря беспошлинному привозу иностранных произведений, найдется немало и в Москве, и во всех уголках России», — писали центральные газеты. Объяснение действий сибиряков, искавших новый торговый путь давала все та же «Сибирская торговая газета»: «...им надоело оставаться жвачными данниками «москвичей» и они предпочли сделаться данниками англичан, немцев и американских янки» (36).

В 1895 году было отмечено 25-летие Сибирского банка. Управляющий тюменским отделением банка В. Н. Отроков — Говоруха пригласил на торжества, посвященные юбилею, представителей местного купечества. В числе приглашенных были отец и сын Щербаковы. Местная печать сообщала о том, что было произнесено несколько тостов, «из которых отметим тост за здоровье А. И. Щербакова и Э. Р. Вардропера, немало потрудившихся в вопросе по сношению Сибири с заграницей морским путем» (37). Промышленник П.А. Андреев особо сказал о директоре писче—бумажной фабрики В. А. Щербакове. Назывались имена брата тарского первогильдейского купца Льва Михайловича Глизмана Николая, зачитывались телеграммы от Н. И. Давыдовского, Калинниковых, Пятковых, Чередова из Тарского уезда (38). Алексей Иванович Щербаков рассказывал собравшимся о том, что усилия его современников по освоению северного морского пути опирались на прочную базу. Жители Сибири издавна принимали торговые суда с Белого моря и иностранцев. Мангазея, основанная в 1301 году в 200 верстах выше от устья Таза, стала центром морской торговли, но тобольский воевода князь Куракин «не сочувствующий торговым сношениям морем», добился того, что с 1616 года иностранцев перестали пускать далее Архангельска. Державные люди боялись «захвата ими края, богатого всякой мягкой рухлядью». Куракин отправлял пришедших морем через Березов и Тобольск на Верхотурскую заставу, чтобы «казне в пошлинах потери не было». С 1620 года морской ход в Сибирь был запрещен и русским. На 250 лет «исчезла даже вера в возможность плавания по Карскому морю». В начале 60-х годов 19 века известный деятель севера М. К. Сидоров поднял вопрос о возможности плавания в северных водах. В 1874 году Виггинс вошел в устье Оби и вернулся в Англию. В 1875 году профессор Норденшильд на парусной шхуне достиг устья Енисея, поднялся вверх на шлюпке, а затем на местном речном пароходе доплыл до Енисейска.

В 1876 году Риггинс доставил в Енисей первые образцы товаров на показ, его пароход поднялся на 1000 верст по Енисею до устья р. Кирейки. Через год туда прошли уже два парохода. Этими плаваниями было заложено прочное основание для налаживания торговых связей Европы с Сибирью морским путем. В 1877 — 78 годах был разрешен беспошлинный ввоз товаров в устье Енисея и Оби. В 1879 — 85 годах иностранные товары стали завозиться в устье р. Лены. Эти меры вызвали ожесточенное сопротивление фабрикантов России, которые настояли на запрете беспошлинного ввоза сахара, готового платья, сукна, полотна, стекла, спиртных напитков, чая, табака, лекарств, книг и других товаров. Разрешалось ввозить керосин, машины, корабельные принадлежности, земледельческие, орудия, фаянс, музыкальные инструменты и ряд других товаров, производство которых российской промышленностью осваивалось с большим трудом.

(Продолжение следует).

Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(Продолжение. Начало в №№ 95 — 103).

Двадцать лет в этой торговле активно участвовали русские купцы, но с 1887 года они полностью вытеснены были иностранцами. Ряд сибирских купцов, включая А. К. Трапезникова, А. И. Щербакова, М. Е. Функа, Э. Р. Вардропера, пытались воздействовать на сибирские коронные власти. Тюменская городская дума вместе с пароходовладельцами направила ходатайство об открытии морского пути в Сибирь. А. И. Щербаков утверждал, что Сибирь может быть достойно представлена на европейском рынке, товары сибирских производителей давно стали привлекательными для иностранцев. Особо стоял вопрос о вывозе сибирского хлеба, «который не находит сбыта». В Тюмени скапливалось до 5 млн. пудов хлеба, залеживающегося годами, продажа его шла по крайне низким ценам. В то же время обрабатывающая промышленность была заинтересована в дешевых машинах, которые из-за неразворотливости отечественных производителей можно было получить от иностранцев.

5 октября 1897 года А. И. Щербаков написал в «Сибирскую торговую газету» «По поводу одного министерского распоряжения». Он еще раз рассуждал о том, что удачно проведенные экспедиции английских и сибирских коммерсантов должны были, казалось, «укрепить веру в возможность установления прочных торговых сношений Европы с Азиатской Россией и поощрить торговых людей к дальнейшим попыткам в этом направлении». Но министерство финансов, «очевидно, иначе смотрит на возникающую торговлю». Его распоряжением с 1898 года отменялся беспошлинный ввоз иностранных товаров. Щербаков напоминал о тех, неудачных попытках сибиряков пробить льды северных морей, о погубленных судах, об огромных убытках, понесенных предпринимателями все же не остановивших деятельных сторонников подъема сибирской экономики. В 80-е годы одну из таких попыток предпринял и сам Алексей Иванович. Вместе с М. Е. Функом он выехал в Лондон, зафрахтовал 4 судна и отправил их из Тулля с грузом английских и французских товаров. Навстречу этим судам из Барнаула и Бийска вышли пароходы Тюфина с баржами, груженные 220 тыс. пудов сибирской пшеницы. Хорошие урожаи хлебов, повторившиеся несколько сезонов подряд, могли принести существенную выгоду. В ряде мест, в частности, в Бутаковской волости Тарского округа, уборка хлебов заканчивалась к 1 сентября, тогда как в прежние годы хлеб нередко оставался в поле и после 14 сентября. Казалось, данное предприятие должно было обогатить обе заинтересованные стороны, но английские суда несмотря на ряд энергичных попыток, не смогли пробиться через льды Карского моря. Тюфин, Функ и Щербаков получили известие о том, что английские суда, «встретя неодолимые препятствия в громадном количестве льдов..., вынуждены были возвратиться в Англию». Сибирские же пароходы, тщетно прождав две недели в Обской губе, вернуллись обратно в Тюмень. Так, сулившее предпринимателям верные барыши предприятие завершилось значительными убытками.

После описанной попытки наступило затишье. Щербаков в своей статье пишет о том, что удачное проникновение отдельных судов в Обскую губу «не дает права считать этот путь вполне безопасным и постоянным, нужен опыт, по крайней мере 5 лет благополучного плавания, чтобы признать его таковым. Тогда, разумеется, само собою явится доверие к этому пути, фрахтовые цены и страховые премии понизятся, торговля откроется и разовьется. Настоящее же положение вещей таково, что предприниматели-сибиряки и иностранцы, несут на себе значительный риск, который более или менее вознаграждается предоставленным правом беспошлинного ввоза известных товаров, что дает возможность иностранцам отправлять из Европы свои пароходы не пустыми, а потому и налагать за доставку сибирских товаров, главным образом хлеба, относительно доступную цену».

(Продолжение следует).

Александр ЖИРОВ

БУМАГА АЛЕКСЕЯ ЩЕРБАКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(Окончание. Начало в №№ 95 — 104).

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

С отменой беспошлинного ввоза, считает Щербаков, сибирский хлеб, вследствие неминуемого увеличения фрахта, едва ли может идти на европейские рынки по этому пути.

Вклад Алексея Ивановича Щербакова в развитие северного торгового пути — только небольшой эпизод из его предпринимательской деятельности. Но этот эпизод, наряду с другими моментами из его биографии, говорит о том, что Тара дала Сибири талантливого организатора производства, умелого торговца, и промышленника, имевшего десятки последователей. Известно, что север ым морским путем стали завозиться разнообразные товары. В числе торговых людей, ввозивших север ым путем чай, был и тарский купец Михаил Федорович Пятков, известный, как последний владелец знаменитого Нерпинского дома, один из зятьев Якова Андреевича Попова. Его брат Андрей Федорович Пятков, создавший буксирное пароходство по рекам Западной Сибири, развозил поступающие в Тюмень северным путем товары по сибирским городам.

Будучи людьми разносторонних интересов, Щербаковы много сделали для подъема не только экономики, но и культуры, в том числе и в родном городе. Прекрасно знают тарчане городской сад. Его до революции называли «Щербаковским», потому что заложили его купцы Щербаковы. В 50-е годы 19 века во второй квартире Федора Ивановича Щербакова рядом с садом жил Василий Никитич Филимонов. Филимонов выходец из Орловского уезда Вятской губернии, был приглашен Щербаковыми и служил у них садовником. Многие деревья, взлелеянные его руками, давно кончили свой век, на их месте появились новые.

Одним из наиболее примечательных памятников деревянной архитектуры 19 века был «Дом Щербакова» по улице Никольской, а потом Советской. Именно в этом доме помещались долгое время важнейшие учреждения разных времен. После смерти Алексея Ивановича, которая наступила 4 января 1912 года, дом этот был передан Поземельно-устроительной партии, а с приходом Советской власти его долгое время занимали городской и районный партийные комитеты, управление сельского хозяйства. Не уберегли тарчане этот дом, он потерян после одного из пожаров в 80-е годы. Но этот дом остался на фотографиях и в памяти взрослых тарчан. Сохранившийся полукаменный двухэтажный дом, занимаемый то комсомолом, то архитектурой и другими учреждениями, одно из сооружений, так или и аче напоминающее тарчанам об Алексее Ивановиче Щербакове. Один из уцелевших зданий винного завода на берегу Иртыша служит складом Тарского райпо часть помещений ко бывше. Никольской и Солдатской переулке (ныне ул. Советская и ул. Чкалова), также служат людям. С этих складов начиналась промартель «Серп и молот» и завод им. Чкалова, которые, увы, ушли в историю. В настоящее время эти помещения, цех и котельная, принадлежат мебельной фабрике.

Еще об одном увлечении Алексея Ивановича Щербакова. я хотел рассказать, поскольку, будучи в Тюмени, обнаружил сохранившуюся рекламу бегов на ипподроме, а краеведческая газета «Сибирский тракт» давала интереснейшую информацию об организации этих соревнований. Во второй день бегов, в воскресенье, 23 ноября 1897 года. было записано 5 лошадей, из которых, первый приз достался караковской кобыле «Дельфа» А. И. Щербакова. Выращенная и воспитанная на заводе Подарцева, активно поддерживаемом средствами Щербакова, «Дельфа» прошла первый гит за 3 минуты, а второй — за 3 минуты, 6 секунд. Наиболее пожилые тарчане помнят, что были когда-то и в нашем городе бега. Старожилы вспоминали о том, что на местном ипподроме «за болотом», это в районе нынешней 2 Линии кипели нешуточные страсти До Первой мировой войны славились в Таре лошади не только Щербаковых и Пятковых К лошади бы то особое отношение В середине прошлого столетия, Тара, не будучи первым городом Тобольской губернии, по числу жителей имел больше лошадей чем Тюмень, Тобольск, Омск и другие города. Прекрасных лошадей имели Айтыкины, Свинаренко, Суворов, Бабыкины, Кислицыны, Наумовы, Гундаревы, Инчуговы... Об этом куда интереснее могли бы поведать читателям хранители тарской старины Валентина Александровна Макарова, Нина Ивановна Шабалина, Александр Михайлович Бабыкин, Николай Яковлевич Мясников, Георгий Васильевич Зыков. Со многими старожилами Тары мне удалось говорить о прошлом нашего 400-летнего города. Многие из них, увы, покинули этот мир. Светлая им память. Но вот что запомнилось отчетливо: даже в былые «советские» времена о таких людях, как Щербаковы, старики говорили с большим уважением.

Именно об этом, об уважечии к личностям, их труду и заслугам перед родным городом, говорили мы с современными тарскими предпринимателями, на встрече в местном интеллектуальном клубе «Второй этаж» прошлым летом. Но, чтобы заслужить это уважение, убежден, деловым людям нашего времени нужно хоть немного походить на тарчанина Алексея Щербакова.

ПРИМЕЧАНИЯ

Обилие публикуемых материалов по истории края высветило одну проблему, которая не может не обеспокоить историков, — проблему достоверности выверенности фактов. Поэтому автор считает необходимым делать сноски на те источники, которые были использованы при подготовке данных публикаций. Это, уверен, сослужит добрую пользу тем, кто интересуется освещаемыми темами и проблемами.

1. ЦГИА (в наст. вр. РГИА в СПб) ф .1343, оп. 39, д. 5700, лл. 1-10, 11-12, 35.

2. С. Ф. Коваль «Характер общественного движения 60-х годов 19 в. в Сибири», — в Кн.: «Общественно — политическое движение в Сибири в 1861 — 1917 гг.», с. 45.

3. ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18503, лл. 21-25.

4. ГАОО, ф. 191, оп. 1, д. 5, л. 25.

5. Там же, с. 89.

6. «Восточное обозрение» № 15, 1887 г.

7. Там же....

8. При винзаводе А.И. Щербакова «грелись» многие политические ссыльные, в основном, поляки. Винокур Сигизмунд Герасимович Пиатровский, его помощник Станислав Адамович Крачковский, механик Франц Ильич Зимодро, мастер по выделке дрожжей Иосиф Иосифович Данилович, зав. материальным складом Семен Прокопьевич Корановский и др. ссыльные работали на заводе. Щербаков стремился поддерживать наиболее нуждающихся ссыльных материально. 9 ноября 1905 года в доме Щербакова был устроен благотворительный концерт, приглашенные люди собрали около 200 рублей, которые были переданы в пользу политических ссыльных, находящихся на севере Тобольской губернии (ТФ ГАТО, ф. 152. оп. 20 д. 531, л. 180) Требование начальника Тобольского губернского жандармского управления о привлечении А. И. Щербакова к ответственности так и не было выполнено. Скорее всего, это связано с возросшим влиянием Щербакова Об огромном авторитете его в Таре свидетельствует большая агитация, проводимая «со стороны таких влиятельных домохозяев, как Мезенцев, Родионов и др.» с целью избрания в городские головы «из таких лиц, как купцы: Балыков, Глизман и Алексей Щербаков...» (ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 20, д. 502, л. 62).

9. ТФ ГАТО, ф. 329, оп. 546, д. 790, лл. 1-6.

10. Материалы музея писче — бумажной фабрики в с. Заводо — Успенском, Тугулымского района, Свердловской области;

11. ТФ ГАТО, ф. 329, оп. 5, д. 702, л. 1, 7, 22.

12. «Восточное обозрение», № 42, 1886 г.

13. Там же...

14. Там же...

15. Там же...

16. Материалы музея Успенской п/б фабрики;

17. «Восточное обозрение» № 42, 1886 г.

18. «Восточное обозрение» № 7, 1887 г.

19. Там же...

20. Там же...

21. «Ирбитский ярмарочный листок», № 20, 1896 г.

22. Там же...

23. Там же...

24. «Ирбитский ярмарочный листок», № 16, 1892 г.

25. Там же...

26. «Ирбитский ярмарочный листок», № 13, 1895 г.

27. Там же...

28. Там же...

29. Там же...

30. «Восточное обозрение», № 49, 1894 г.

31. «Памятная книжка Тобольской губернии на 1897 год», Тобольск, 1897 г.

32 «Восточное обозрение», № 42, 1886 г.

33. ГАОО. ф 3, оп. 3, д. 3657, лл. 1 7, об. 129.

34. «Сибирская торговая газета» № 110 1897 год.

35. Там же...

36. Там же...

37. «Сибирская торговая газета» № 101. 1897 год.

38. Там же...